
УДК: 330.13

JEL: A130

Татьяна Артёмова

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ КАК ДОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ¹

Становление новой реальности – информационного общества и сетевой экономики – ознаменовало начало глобальных рыночных трансформаций. Такие трансформации обусловлены технологическими сдвигами и новациями в информационно-коммуникационной сфере, но по своей глубинной сути сопряжены с необходимостью творческого осмысления новой социально-экономической картины мира. Адекватным ответом на витальный социальный запрос является формирование релятивистской экономической теории. Логику Срединного пути как классическое институциональное русло призвана сегодня сформировать политическая экономия в широком смысле с помощью теории стоимости – экономической ценности.

Представления о предмете и методе политической экономии в широком смысле как теории социально-экономической относительности актуализированы в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Но методологические основания позитивного релятивизма заложены в экономической науке изначально и кристаллизуются в недрах ее классического течения. В свете классического ценностного подхода теории марксизма и неоклассического синтеза, претендующие на роль идейно-магистральных, оказываются маргинальными.

Эволюция политико-экономических порядков (укладов) общественной жизнедеятельности является ценностно обусловленной. Ее научное осмысление как исторического процесса формообразования стоимости и цены, развертывания ценностного генетического кода (институциональной конституции) – архитектоники хозяйственной системы составляет удел политической экономии в широком смысле. Соответственно, позитивно релятивистская политическая экономия в узком смысле отображает полноту ценностного осмысления миссии общественного выбора на каждом из базисных этапов процесса исторического развертывания бытия институциональной архитектоники.

Аристотелевские творческие озарения, связанные с опознанием тройственной природы экономической ценности, институциональной архитектоники хозяйствования, призванной сформировать ориентиры добродетельной общественной жизни, составляют сердцевину подлинных европейских ценностей. Последовательное развертывание ценностного анализа с необходимостью подводит

Артёмова Татьяна Ивановна (blagosostojanie1986@gmail.com), д-р экон. наук, старш. науч. сотруд., доц.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID 0000-0001-8511-9681

*Цитирование: Артёмова Т. И. Теория стоимости как достояние экономической науки: истоки политической экономии в широком смысле. *Экономическая теория*. 2022. № 3. С. 29 – 44.*

¹ Статья первая. Вторая статья в следующем номере журнала.

© Т. Артёмова, 2022

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2022. № 3: 29–44

экономическую науку к прояснению сути и законов экономической гармонии – равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственных систем.

Ключевые слова: глобальные рыночные трансформации, экономика новой реальности, мировой общественный порядок, методология экономической науки, теория стоимости, экономическое благо, релятивистская политическая экономия в широком и узком смысле, устойчивое развитие, европейские ценности.

THEORY OF VALUE AS AN ASSET OF ECONOMIC SCIENCE: THE ORIGINS OF POLITICAL ECONOMY IN THE BROADEST SENSE

Tatiana Artomova (blagosostojanie1986@gmail.com) Doctor of Economics, Chief Researcher Department of economic theory SI "Institute for Economics and Forecasting NASU" Kyiv. ORCID 0000-0001-8511-9681

The emergence of a new reality as Information Society and Network Economics has marked the beginning of global market transformations. Such transformations are conditioned by the latest technological advances and innovations in the sphere of information and communication but at their core, they involve the need for creative thinking about the new socio-economic picture of the world. An adequate response to the vital social demand is the formation of a relativistic economic theory. The logic of the Middle Way, as a classical institutional direction, is called upon today to form political economy in a broad sense through the economic value theory.

The ideas about the subject and method of political economy in the in the broad sense as the theory of socio-economic relativity were substantiation updated in the works of K. Marx and F. Engels. However, the methodological foundations of positive relativism had been originally laid down in the science of economic and crystallized in the depths of its classical current. In the light of the classical value approach, the theories of Marxism and Neoclassical synthesis claiming to be the main ideological theories, were turned out to be marginal.

The evolution of politic-economic orders of social life is value-conditioned. Its scientific comprehension as a historical process of the formation of value and price, deployment of a value genetic code (institutional constitution), that is, the architectonics of an economic system, is the lot of political economy in a broad sense. Accordingly, positively relativistic political economy in the narrow sense reflects the completeness of the value comprehension of the mission of public choice at each of the basic stages in the process of historical deployment of the being of institutional architectonics.

Aristotelian creative insights associated with the recognition of the triple nature of economic value, the institutional architectonics of management, designed to shape the benchmarks for a virtuous social life, represent the core of genuine European values. Consistent value based analysis necessarily leads economic science to clarify the essence and laws of economic harmony, which is the equilibrium functioning and sustainable development of economic systems.

Keywords: global market transformations, economics of the new reality, world social order, methodology of economic science, theory of economic value, economic good, relativistic political economy in a broad and narrow sense, sustainable development, European values.

*Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд;
в сравнении со светом она выше;
ибо свет сменяется ночью,
а премудрости не превосходит злоба.
Книга премудрости Соломона 7, 29*

*Положи меня, как печать, на сердце твое.
Книга Песни Песней 8, 6.*

Становление информационного общества с основанием в форме сетевой экономики ознаменовало начало глобальной модификации системы экономических отношений и законов. Такая модификация в значительной мере обусловлена технологическими сдвигами и новациями

в информационно-коммуникационной сфере, но по своей глубинной сути сопряжена с необходимостью творческого осмысления новой социально-экономической картины мира. Между тем предлагаемая сегодня рыночной ортодоксией² интерпретация такой картины в форме нового мирового политико-экономического порядка в контексте возможностей поступательного развития социума на всех уровнях, от отдельного субъекта до мирового социума-универсума (Тарасевич, 2014), внушает отнюдь не оптимизм, но непреодолимую тревогу и замешательство³.

Тенденции турбулентности, неопределённости хозяйственных перспектив, присущие им настроения общественной отчуждённости, тревожных ожиданий в первые десятилетия нового века институционально закрепились и незаметно стали привычной нормой, атрибутом человеческого общежития. Указанные тенденции давно предвосхищались интеллектуалами (Некlessа, 1998, 2015; Кастельс, 1999; Маркузе, 2002; Тоффлер, 2002; Стиглиц, 2005.), а в новейшее время (особенно после глобального финансово-экономического кризиса) стали для влиятельных политических сил объектом целевого проектирования и моделирования (*Mapping the Global Future*, 2020; *Global Trends 2025*, November 2008; *Global Trends 2030*, December 2012; *World Bank Group*, 2017), зрелищного пропагандирования в качестве "базисного тоннеля" – юстированного общественного перехода в состояние нового мирового экономического порядка как некоего иррационально-потустороннего бытия.

В атмосфере воинственно наступающего зазеркалья общественные предчувствия конца истории, завершения проекта Человечество не лишены оснований. И, словно зачарованный миражами виртуальных миров в преддверии вселенского исхода, социум торопится насладиться странными играми ускользающей цивилизации: в "нетрадиционную семью", "живые куклы", в "карантин и самоизоляцию", "метавселенные", "гибридную войну". При этом в орбиту маркетинговых технологий экономики впечатлений вовлекаются все сферы общественного бытия; все злободневные аспекты неповторимой, драматически сложной человеческой жизни подвергаются превратному истолкованию и выхолащиванию. Так что на деле зрелая одержимость детскими играми облекается в лукавые формы, бросая вызов самому существованию человека и человечества.

Можно возразить, что человечеству во все времена суждено было преодолевать угрозы небытия в виде потоков взаимной неприязни и многочисленных браней, природных катаклизмов, страданий, разрухи, эпидемий. Но современные зловещие игры развёртываются на фоне обнародованно-

² После крушения хозяйственной системы традиционного социализма, которая идейно опиралась на экономическую теорию марксизма, рыночная модель обрела возможность безраздельного господства. Концептуальной платформой её воплощения и идейного превосходства является либеральная экономическая доктрина – рыночная ортодоксия.

³ Состояние общественной растерянности и беспокойства, объективно порождаемое турбулентным характером глобальных рыночных трансформаций, усугубляется причудливым воздействием новейших информационных технологий на процессы хозяйственной жизнедеятельности. Так, во многослойной информационно-технологической матрице экономики впечатлений, формируемой проектным политическим менеджментом посредством биопсихосоциальных технологий гибридной войны, становление "нового мирового порядка" предстает как процесс развёртывания множественных сценариев зловещего сериала-квеста (Артёмов, 2017. С. 5–7; Пайн, Гилмер, 2020), а на деле оказывается результатом однобокого – безобразного – мировоззрения и мировосприятия.

го ноосферного проекта – перехода в царство разумной природы как результата решающего общественного исторического выбора (Артёмова, 2014а. С. 9–11; Артёмова, 2006. С. 286–298, 364–365); и, словно имитируя сродность такому проекту, они сопровождаются заявлениями о торжестве научного мышления и экономики знаний. При этом игровыми уловками, противоречивыми ("фейковыми") информационными сигналами в пространстве новой экономической реальности человеческое сознание как бы рассеивается, отвлекается от постижения того, что глобальные общественные трансформации, хотя и грядут с силой природной неизбежности, но по сути не являются процессами механико-технологическими. Во благо человеку они могут осуществиться лишь свободно, добровольно и в этой связи требуют глубокого ценностного осмысления. В эпоху высокого просвещения такое осмысление должно получить последовательную научную интерпретацию, основываться на адекватном методологическом фундаменте.

Историческая миссия политической экономии в условиях становления новой реальности

Так как основу глобальных переходных процессов новейшего времени составляют рыночные трансформации, которые сопряжены с глубинным преобразованием системы экономических отношений, законов, институтов, то *на роль лидера в объяснении феномена всеобщей переходности с необходимостью выдвигается экономическая теория. Главным аргументом в пользу такой миссии экономической науки служит то, что она имеет методологическое ядро в виде теории стоимости – экономической ценности* (Артёмова, 2014б. С. 19–22; Артёмова, 2006. С. 290–292, 366).

Прояснить значение теории стоимости как непреходящего достояния экономической науки, краеугольного камня (ядра) политической экономии в широком и узком смысле, источника осмысления законов благо-разумно устойчивого общественного обустройства в эпоху глобальных рыночных трансформаций и всеобщей социально-экономической переходности (турбулентности) составляет **цель настоящей статьи**.

В условиях информационной экономики⁴, когда устои общественного порядка претерпевают существенные модификации, бытие экономического пространства становится призрачно-зыбким, текучим, выявляет признаки всеобщей нестабильности, переходности, поиск адекватных методологических подходов для исследования социально-экономической процессуальности и овладение ею приобретает характер жизненной необходимости⁵.

⁴ Информационная экономика понимается широко – как состояние и рефлексия новой экономической реальности, грядущей на смену индустриальному обществу модерна. В русле традиционных научно-популярных представлений такая экономика осмысливается во множестве противоречивых концептов – постиндустриального, сервисного, технократического, общества постмодерна, третьей волны и пр., в единстве нескольких этапов – сетевой экономики, экономики знаний, новой нормальности, цифровой, алгоритмической экономики и других.

⁵ Активизация эффектов и актуализация феномена глобальной хозяйственной переходности обусловлены необходимостью осуществления "вселенского по полноте и индивидуального по существу" общественного выбора, связанного с *переходом* системы общественного хозяйства из "царства необходимости" в "царство свободы", выходом за пределы экономической истории. Такой переход сопряжён с процессами общественной инклюзии, социально-экономической инверсии, "разворачивания" истории в современность. Вследствие недостаточного научного осмысления глубинных оснований указанного перехода, *ныне он реализуется не свободно – турбулентно* и, следо-

С небывалой силой актуализируется потребность в осмыслении социально-экономического содержания феномена относительности. Адекватным ответом на витальный социальный запрос является формирование релятивистской экономической теории, способной отобразить генезис и исторические судьбы своего объекта (системы общественного хозяйства) как сложного событийного образования в единой пространственно-временной системе координат, содержащей предпосылки и возможности многоуровневого выбора хозяйствующих субъектов в вероятностном диапазоне от абсолютной случайности до жёсткой детерминации. *Логику Срединного пути как классическое институциональное русло, пролегающее между двумя крайними (предельными) методологическими подходами, каждый из которых символизирует общественное отчуждение, призвана сегодня сформировать политическая экономия с помощью теории стоимости – экономической ценности* (Артёмова, 2006. С. 291–294; Артёмова, 2013. С. 402–405).

Экономическая теория (политическая экономия) по своей природе является релятивистской, ибо предметом её исследования являются законы исторического развития системы общественных экономических отношений, которые (в единстве всеобщего, общего и особенного) отображают логику развёртывания бытия экономического пространства-времени как превращённых форм (трансформ) экономической ценности. Оpozнание предмета и метода политической экономии как теории социально-экономической относительности наметилось в работах К. Маркса и Ф. Энгельса; но в силу ценностной односторонности марксистского учения такой взгляд не получил последовательного развития⁶. Так, в работе "Анти-Дюринг" в ряде ёмких тезисов Ф. Энгельс, с одной стороны, как бы "прозревает" суть, предназначение и исторические судьбы политической экономии как релятивистской науки, с другой – обнажает основы их превратной интерпретации в пределах марксистского методологического подхода – в координатах местоположения К. Маркса как научного наблюдателя ("соглядатая"), если рассуждать с позиций теории относительности.

Политическая экономия по сути своей есть историческая наука, ибо имеет дело с историческим, постоянно изменяющимся материалом, пишет Энгельс. Она исследует, прежде всего, особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования способна установить немногие общие законы. При этом производство и обмен, по мнению автора, экономически организуют и обуславливают всю систему общественных отношений. В силу своих различий эти функции (причём производство может совершаться и без обмена, тогда как обмен, как обмен продуктами, неосуществим без производства) в значительной мере подчинены действию особых законов. Но в каждый данный момент они настолько взаимно обусловлены, что "их

вательно, может оказаться фатальным для исторических судеб человека и человечества.

⁶ Представления о предмете и методе политической экономии как теории социально-экономической относительности впервые в определённой форме актуализированы в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Но методологические основания позитивного релятивизма заложены в экономической науке изначально и кристаллизованы в недрах её классического течения. В свете классического ценностного подхода теоретические русла марксизма, равно как и мейнстрима – традиционной неоклассики в форме доктрины неоклассического синтеза (рыночной ортодоксии), претендующие на роль идейно-магистральных, оказываются "окольными" (маргинальными) путями.

можно было бы назвать абсциссой и ординатой экономической кривой". Производной от сложившейся системы производства и обмена оказывается форма общественного распределения, которая в свою очередь детерминирует классовые различия и активно влияет на породившие её экономические функции; так что "новому способу производства и новой форме обмена приходится путём долгой борьбы завоевывать себе соответствующее распределение" (Энгельс, 1961. С. 150–152).

При этом исторически обусловленная связь между формой распределения и материальными устоями общественной жизни с необходимостью укореняется в народном инстинкте. Так, пока способ производства развивается по восходящей, ему воздают хвалу даже те, кто терпит убытки от сложившегося порядка распределения; и лишь когда он изживает себя, растущее социальное неравенство актуализирует требования к соблюдению законов справедливости. Однако, по мнению Энгельса, апелляция к морали и праву в контексте научного мышления бесплодна: "в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом". Ибо её задача, по сути, не нравственная, а рационально-физиологическая и состоит в том, "чтобы... внутри разлагающейся экономической формы движения открыть элементы будущей, новой организации производства и обмена", устраняющей пороки старого общественного строя (Энгельс, 1961. С. 153).

Особого внимания заслуживает представленная в работе *идея разграничения политической экономии в узком и широком смысле*. Политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом (а, соответственно, и распределением) материальных жизненных благ в человеческом обществе, пишет Энгельс. Такая наука только должна быть создана, ибо до сих пор экономические исследования ограничиваются преимущественно генезисом капиталистического способа производства. На основании того, что в марксистской теории представлено сравнительное исследование добуржуазных и существующих с капитализмом хозяйственных форм, выявлены основополагающие экономические законы и пределы капиталистического общества, автор делает предположение о создании Марксом основ политической экономии в широком смысле⁷ (Энгельс, 1961. С. 150; 154).

Что же касается политической экономии в узком смысле, то она (в форме классической *буржуазной* политической экономии), по мнению Энгельса, является очевидным уделом классиков: такая наука возникает в конце XVII в., но своё положительное оформление получает трудами физиократов и Адама Смита в XVIII в., где и занимает надлежащее место в одном ряду с достижениями великих французских просветителей. В представлениях своих творцов политическая экономия олицетворяла оплот вечного разума; открытые ею законы хозяйственной жизни были воплощением вечных законов природы, вытекающих из природы человека, замечает Энгельс. Однако такие научные притязания классиков под-

⁷ Такая точка зрения стала господствующей для советской официальной экономической науки (и в целом для представителей мирового коммунистического общественного движения). "Основоположниками подлинно научной политической экономии являются К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечают, в частности, Г. Лапшина и Л. Широкоград. Именно они разработали концепцию политической экономии в широком смысле слова" (Лапшина, Широкоград, 1983. С. 10).

вергаются сомнению. Так, пристально всматриваясь в природу человека, отображённого А. Смитом, Энгельс опознает в нём лишь среднего бюргера, который занимается производством и торговлей в исторически конкретный период "своего превращения в буржуа" (Энгельс, 1961. С. 155).

Итак, в качестве предмета политической экономии обозначена система исторически изменчивых общественных отношений производства, обмена и распределения, и это явно свидетельствовало об "относительном" характере самой науки. Однако этот сущностный аспект не стал объектом обоснования и последующего развёртывания в марксистской теоретической системе. Можно с уверенностью сказать, что для самого Ф. Энгельса такой вывод неочевиден, ибо при определении предмета политической экономии внимание сосредоточено преимущественно не на его глубинной природе, а на формах внешней материализации. Экономическую науку автор интерпретирует как сугубо рациональную, избегающую нравственных (ценностных) суждений и в целом – как традиционную. Но осмыслить социально-экономическую сущность феномена относительности как бытия глобальной пространственно-временной ноосферной переходности возможно лишь в институциональной – ценностной – системе координат, обладая адекватным ценностным эталоном-образом (Артёмова, 2014а. С. 10–11; Артёмова, 2014б. С. 18–20).

**Институт стоимости (экономической ценности) как оплот
равновесного функционирования и устойчивого развития системы
общественного хозяйства. Истоки**

С момента возникновения экономическая наука находилась в состоянии предвосхищения и опознания института стоимости (экономической ценности) как оплота равновесного функционирования и устойчивого развития системы общественного хозяйства, неизменно тяготела к нему как своему драгоценному достоянию – центральной исследовательской проблеме и непосредственному предмету. "Если бы в моей книге и вовсе не было главы о "стоимости", то анализ реальных отношений, который я даю, всё равно содержал бы в себе доказательство и подтверждение действительного отношения стоимости", - пишет в этой связи К. Маркс (Маркс, 1964. С. 462).

Между тем К. Маркс и Ф. Энгельс исходно не предполагали и не были готовы осуществлять анализ общественных экономических отношений в их взаимосвязи со стоимостью⁸. Можно констатировать поразительный факт, отмечают, в частности, Г. Багатурия и В. Выгодский, а именно: начало научной деятельности Энгельса и Маркса в области политической экономии было ознаменовано решительным отрицанием закона стоимости (1976. С. 30). Со временем, однако, анализируя классическое наследие, Маркс приходит к осознанию фундаментального значения теории стоимости в экономической науке. В рукописи 1857–1858 гг. и в первом выпуске работы "К критике политической экономии" (1859 г.) он представляет собственные наработки в этой области, принципиально отличные от ключевых позиций теории стоимости классической школы (Багатурия, Выгодский, 1976. С. 48). Этот концептуальный подход, взятый за основу

⁸ В этом смысле К. Маркс и Ф. Энгельс как бы дерзали вступать в храм экономической науки с "чёрного хода" и с позиций открывшегося ракурса подлинное величие запечатленной здесь картины мира навсегда осталось для их взора неполным и не постижимым.

при исследовании капиталистического способа производства и воплощённый в теоретической конструкции "Капитала" и сопутствующих работ, официальная советская экономическая наука (а в целом – вся мировая коммунистическая общественная мысль) расценила как научно-мировоззренческую революцию. Доныне негласно не подлежит сомнению постулат, что в ходе такой революции Маркс творчески преодолел буржуазную узость (теоретико-методологическую ограниченность) классического экономического наследия и создал новую, подлинно научную, пролетарскую политическую экономию (Багатурия, Выгодский, 1976. С. 259).

Но ценностный взгляд на полную драматизма историю взаимоотношений представителей классической школы политической экономии и марксизма (а вместе с тем, сторонников либеральной доктрины и традиционных институциональных подходов) позволяет существенно уточнить представления о позициях и ролях основных акторов.

В недрах экономической системы классической школы отношения стоимости, в тройственном единстве взаимно перетекающих трансформ предельной полезности, стоимости и цены, представлены широко – как институт экономической ценности. Такая система адекватно, во всей полноте воплощая и воссоздавая экономическую картину мира в образе гармоничной институциональной архитектоники (Гриценко, 2008. С. 9–10; Артёмова, 2006. С. 198–200), закладывает основы политической экономии в широком смысле как позитивно релятивистской экономической науки – источника нового миропонимания и мироустройства. *Марксова же теоретическая конструкция, возведённая на идейной платформе трудовой стоимости, более соответствует определению политической экономии в узком (ценностно "усечённом") смысле, что обуславливает возможности и пределы её исследовательской потенции.*

Причастность к исследованию отношений стоимости, обрётённая в процессе диалога с представителями классической школы, подняла К. Маркса на такие интеллектуальные высоты, что он буквально оказался "на головах" творцов политической экономии. Открывшаяся с таких позиций логико-историческая панорама экономической жизни позволила вычленить ключевые проблемы и закономерности системы общественного воспроизводства (часто неявно, в "текущей" форме представленные в трудах классиков), а также сформировать масштабные научные предвидения и прогнозы. Однако контуры гармоничной картины мира, ценностно восхищённые классиками из толщи капиталистического бытия, в Марксовой теоретической системе существенно деформируются вследствие их преломления сквозь призму товарных отношений, физиологии капиталистического способа производства⁹.

Теоретическая композиция, последовательно возводимая на ветхом методологическом фундаменте трудовой стоимости, оказывается критиче-

⁹ Всю систему экономических отношений Маркс выводит из простой формы стоимости товара (которая есть одновременно простой товарной формой труда) как первичной клетки богатства капиталистического общества (Маркс, 1960. Т. 1. С. 71). Таким образом, предметным полем политико-экономического анализа оказывается пространство "клеточного" обмена, то есть физиология, капитализма. Такая особенность марксистской рефлексии экономической картины мира в своё время была подмечена специалистами. "Рикардо обнаружил принципиальные основы капитализма, обнажил его ткани, написал, так сказать, анатомию капитализма. Только поэтому Маркс мог создать его физиологию", - отмечает, в частности, В. Чернышёв (Чернышёв, 1924. С. 62).

ски неравновесной. Ценностная недостаточность вносит диссонанс в общую экономическую архитектуру, постепенно разбалансирует и, в конце концов, "обрушивает" её. Так что, *попирая классиков, Маркс неожиданно оказывается у их подножия, хотя мысленно по-прежнему пребывает на утраченных теоретических высотах*. Такие методологические кульбиты, характерные для марксистской экономической теории, с необходимостью транслируются в практику экономического бытия, подрывая основы равновесного функционирования и устойчивого развития реальных хозяйственных систем, исповедующих идейно уклончивые принципы¹⁰.

В то же время теоретическое русло классической школы неизменно сохраняет внутреннюю гармонию, а вместе с тем и способность продуцировать сигналы равновесного функционирования и устойчивого экономического развития для хозяйствующих субъектов. Основания для этого формируют его ценностные истоки в тройственном единстве превращённых экономических форм предельной полезности, стоимости и цены. Такое русло, с одной стороны, адекватно, во всей полноте, отображает экономическую картину мира, с другой – содержит потенциал её релятивистского преобразования посредством творческого единения хозяйственной истории человечества, то есть, по сути, знаменует течение политической экономии в широком смысле.

Следовательно, *статус политической экономии в широком смысле как релятивистской науки* определяется не заслугами наиболее полного исследования закономерности ("прогрессивно") сменяющих друг друга этапов экономической истории, но тройственной природой её ценностного предметно-методологического основания, способного адекватно отображать и воспроизводить эволюцию собственного объекта, бытия институциональной архитектуры хозяйствования как взаимно обусловленный глобально-локальный процесс исторического развёртывания превращённых экономических форм – трансформ экономического блага (Артёмова, 2006. С. 364). Но в нынешнем, традиционном, состоянии *классическое экономическое наследие неспособно полноценно выполнять функции релятивистской науки и требует методологического переосмысления – институционального восстановления на платформе экономической ценности (экономического блага) как превращённой экономической формы*. Без такого переосмысления классическая политическая экономия, действительно, остаётся *буржуазной* по содержанию и отвечает канонам политической экономии в узком смысле.

На фоне приглушенно невнятной ценностной ауры классической экономической школы её благотворный преобразующий потенциал остаётся неактуальным и бездейственным, а новейшие общественные трансформации осуществляются в методологической тьме – в смятении, наощупь.

Краеугольное для релятивистской науки понятие превращённой экономической формы в качестве формы стоимости актуализировано в трудах К. Маркса (Маркс, 1960. Т. 1. С. 5–6; Маркс, 1963. С. 267–269). Можно с уверенностью говорить, что понятие формы стоимости является

¹⁰ Следует отметить, что, *помимо марксизма, методологическое (ценностное) несовершенство в полной мере характерно для двух других ключевых течений современной экономической мысли – либеральной неоклассики и традиционного институционализма*. Вследствие непрестанной генерации этими теоретическими подходами превратных информационных сигналов (которые многократно усиливаются в ходе когерентных инверсионных взаимодействий) структурным устоям глобальной хозяйственной системы сообщается каскад разрушительных синергетических эффектов.

основополагающим для Марксовой теории: оно красной нитью пронизывает весь "Капитал", обеспечивая его внешнюю цельность. *В этом смысле теоретические прозрения марксизма и в самом деле возвышаются над традиционным классическим наследием, указывая пути его восстановления как широкого институционального русла экономической мысли.* Однако в пределах выбранной Марксом исследовательской позиции – в ценностно замкнутой (усечённо-разомкнутой) системе координат – истинная природа формы стоимости ускользает от самого автора, деформируется, оборачиваясь "пустой" экономической формой, небытием¹¹ (Артёмова, 2006. С. 174–180).

Таким образом, *эволюция политико-экономических порядков (укладов) общественной жизнедеятельности является ценностно обусловленной. Её научное осмысление как исторического процесса формообразования стоимости и цены, развёртывания ценностного генетического кода (институциональной конституции) – архитектуры хозяйственной системы составляет удел политической экономии в широком смысле.* Соответственно, *позитивно релятивистская политическая экономия в узком смысле* отображает полноту ценностного осмысления миссии общественного выбора на каждом из базисных этапов процесса исторического развёртывания бытия институциональной архитектуры.

В самом общем виде дорожная карта реализации исторической миссии политической экономии посредством фокусирования научного внимания на ключевых фигурах и вехах ценностного постижения экономической истории также обозначена в пределах марксистской школы. В этом смысле правомерно говорить, что Маркс заложил основы политической экономии в широком смысле. Но сформированная им и ставшая привычной *логико-историческая панорама хозяйственной жизни настоятельно требует "возвращения в разум истины" – последовательного восстановления из зияющей чуждыми ("пустыми") формами бездны в состояние гармоничной институциональной архитектуры как бытия превращённых форм экономического блага.*

Проблема освобождения традиционной экономической теории от печати превратных стереотипов ("герметического мировоззрения") (Йейтс, 2000; Гайдено, 2009; Артёмова, 2018. С. 23–24) приобретает особую актуальность в контексте разворачивания истории в современность (Гриценко, 1997) и прояснения путей выхода за пределы экономического общества (Иноземцев, 1998). В этой связи *виртуальное научное паломничество с целью восстановления логико-исторической преемственности ценностных устоев хозяйственного бытия становится насущной жизненной потребностью.*

Релятивистский характер экономической науки как сокровищницы принципов благоразумного (мудрого) общественного домостроительства предвосхищён в недрах древнегреческой философии. Так, *в трудах Аристотеля впервые запечатлена простейшая формула экономического обмена в образе идеальной модели – превращённой экономической формы, институционального (ценностного) генома – системы общественных отношений.*

¹¹ Аналогичные логические парадоксы в полной мере присущи двум другим традиционным теоретическим системам, которые претендуют на роль методологических лидеров современности, но в силу ценностной односторонности (нищеты) своего предметно-методологического поля, накапливают энтропию и транслируют ее в практику реальной хозяйственной жизни – бытие экономического пространства-времени.

Общественные взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть, например, врач и земледелец и вообще разные и неравные стороны, которые нужно приравнять, рассуждает Аристотель. Ибо всё, что участвует в обмене, должно быть сопоставимо, иметь единую меру. Такой мерой является потребность, которая всё взаимно связывает и организует справедливый обмен. И монета появилась по общему уговору, словно замена потребности. Если сегодня нет ни в чём нужды, то монета служит как бы залогом возможности обмена в будущем. Несмотря на то, что монета, подобно другим благам, не всегда имеет равную обменную силу, но всё же она более тяготеет к постоянству. Потому и нужно, чтобы всему была назначена цена, ибо в таком случае всегда будет возможен обмен, а если будет обмен, будут и общественные взаимоотношения (Аристотель, 1983. С. 155–157).

По мнению Аристотеля, справедливый обмен как непреложная основа общественных взаимоотношений зиждется на возмездной расплате, которая возможна, если земледелец относится к башмачнику так, как работа башмачника к работе земледельца. Итоги размышлений воплощаются в формуле ценностной пропорции обмена: "Пусть дом – α , десять мин – β , ложе – γ ; α – это половина β , если дом стоит пять мин или равен пяти минам. Ложе γ есть десятая часть β ; ясно тогда, сколько лож равно дому, а именно пять". Ясно также, что и до монеты обмен происходил таким же образом, потому что безразлично, дать ли за дом пять лож или цену пяти лож (Аристотель, 1983. С. 156–157).

Как видно, Аристотель отчётливо распознает тройственную ценностную природу экономических отношений и визуализирует её в образе общественно справедливой цены блага, уравнивающей меру потребности с мерой понесённых затрат труда. При этом философ взаимно проецирует, транслирует экономические и общественные отношения, осмысливая их взаимосвязь с высоты реализации нравственных принципов добра, правосудия, справедливости и человеческого достоинства (Аристотель, 1983. С. 145–171)¹².

К. Маркс наглядно воспроизводит в "Капитале" меновую пропорцию Аристотеля как форму стоимости, или цены, но трактует её в духе собственной методологии, преломляя сквозь призму товарной формы: $x \text{ товара } A = y \text{ товара } B$ ¹³. Вследствие этого обозначенная Аристотелем масштабная панорама превращённых экономических форм как всеобщей основы ценностных общественных отношений сплющивается и вульгаризируется.

Вообще, воссоздавая "стрелу" эволюции всемирной экономической мысли (формируя дорожную карту политической экономии в широком смысле), Маркс всецело стремится подчинить её логике капиталистиче-

¹² Справедливый обмен суть обмен "по достоинству", и, зная истинное достоинство обменивающихся лиц, можно установить пропорции такого обмена, пишет Аристотель. В дальнейшем принцип достоинства в обмене получил отображение в средневековом конструкте справедливой цены, в метафизике права немецкой классической философии, в системе понятий естественной, действительной и рыночной цены А. Смита, в концепции общественно нормальных условий воспроизводства К. Маркса. В совокупности эти и другие подходы сформировали предпосылки фундаментально-прикладной концепции равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственных систем.

¹³ В запечатлённой К. Марксом простейшей формуле товарной формы стоимости ($x \text{ товара } A = y \text{ товара } B$), как в "капле воды" (в институциональном геноме), отобразились все противоречия его собственной теоретической экономической системы (Арёмов, 2006. С. 171–180).

ского способа производства, торжеству капиталистического мировоззрения. При этом вполне определённым (очевидным) результатом его научного анализа в "узком смысле" есть доказательство необходимости и неизбежности преодоления капиталистических отношений. Таким образом, он недюжинной силой своего интеллекта как бы выхватывает из глубин хозяйственной истории идеальные трансформы экономической ценности с тем, чтобы втиснуть их в прокрустово ложе исторически обречённого (преходящего) капиталистического уклада¹⁴.

Так, в контексте капиталистического мировоззрения творческое наследие Аристотеля интерпретируется Марксом предельно функционально – применительно к прояснению его собственной концепции денег, относительной и эквивалентной форм стоимости. К. Маркс справедливо замечает, что отсутствие понятия стоимости не позволило Аристотелю осуществить полноценный анализ форм общественного обмена. Но преодолеть несовершенство экономического мышления общества, "покоящегося на отношениях рабского труда", предлагается посредством такой теоретической конструкции, которая, с одной стороны, ограничивает понятие стоимости рамками "простой товарной формы труда", с другой – придаёт этой усечённой форме статус всеобщности (Маркс, 1960. С. 69–70).

При этом в духе естественно-исторического толкования общественного прогресса, когда анализ более развитой (то есть, более "совершенной") формы организации хозяйственной жизни (а для Маркса в качестве таковой выступает модель буржуазного общества) открывает возможности для понимания предшествующих ей "зародышевых" (клеточных) форм (Маркс, 1968. С. 42), объектами верификации и модернизации оказываются не просто модели экономического мировоззрения, но вся хозяйственная история человечества: не только все минувшие, но и грядущие формы хозяйственной жизни (Маркс, 1962. Т. 3. С. 450).

Что касается современных взглядов на идейное наследие Аристотеля, то его выдающиеся заслуги создателя основ формальной логики, научного стиля мышления, систематизатора философских знаний, хотя и не подлежат сомнению, но слишком глубоко "ушли в историческое основание", подёрнулись сенью былых времен. Привычными являются также представления о его статусе "первого экономиста" (Поланьи, 2004; Аникин, 1985. С. 19–24). Между тем актуальную творческую миссию Аристотеля как учёного, стоявшего у истоков анализа превращённых экономических форм, институциональной архитектуры хозяйствования, только предстоит оценить. В этом смысле необходимо отдать должное профессиональной интуиции К. Маркса, который, оперируя методологическим принципом просвещения-отблеска, в обширном потоке хозяйственной мысли древних цивилизаций безошибочно уловил квинтэссенцию пред-

¹⁴ Вследствие ценностной методологической "усечённости" марксизм в итоге имеет дело с анализом исключительно мёртвых экономических форм (Маркс, 1968. С. 42). Такая характеристика в полной мере (хотя в несколько ином ракурсе) приложима к предметной субстанции актуальных теоретических течений неоклассического синтеза и традиционного институционализма. В то же время превращённые экономические формы как предмет исследования позитивно релятивистской экономической науки (ценностно возрождённой классической школы), у истоков которой, несомненно, стоял Аристотель, исполнены благодатных жизненных сил, способных конструктивно преобразовать систему общественного хозяйства – трансформировать (по С. Булгакову) природу, сотворённую в природу творящую.

восхищённого Аристотелем образа научной экономической картины мира. Но укоренившаяся с тех времён в интеллектуальных кругах традиция отдания почестей Аристотелю как первому экономисту в значительной мере несёт на себе и печать Марксова взгляда на этот образ.

В начале XXI века общественный интерес к экономическим суждениям Аристотеля возрождается. Следует, однако, учитывать, что научно-популярные источники (прежде всего, материалы Всемирной сети), которые преимущественно служат информационным подспорьем для современной учащейся молодежи, весьма произвольно трактуют интеллектуальное классическое (в том числе, античное) наследие¹⁵.

На проверку популярные блогеры организуют исторический диалог на цифровых платформах по собственному разумению: преимущественно в духе не подлинно формальной, а традиционной логики. Так, размышляя над актуальным соотношением аристотелевских миров экономики и хрематистики, сетевые лидеры мнений транслируют в массы креативные идеи облагораживания рационализма (экономизма) современной общественной жизни достоинствами свободы, справедливости, высокого гуманизма, этики эмоционального коллективного взаимодействия, экологической ответственности¹⁶. Между тем в свете ценностной методологии экономической науки как логики Срединного пути такие нормы, а в целом – все составляющие (эмоциональная, когнитивная, поведенческая и пр.) устоев добродетельной общественной жизни, являются не внешними, а внутренними (имманентными) атрибутами бытия экономического.

В этом смысле можно говорить, что **аристотелевские творческие озарения, связанные с опознанием тройственной природы экономической ценности, предвосхищением экономики как икономики** – науки о многоедином сущем Блага, институциональной архитектоники хозяйствования, призванной сформировать ориентиры добродетельной общественной жизни, **составляют сердцевину подлинных европейских ценностей** (Артёмова, 2018. С. 7–9). Последовательное развёртывание ценностного анализа с необходимостью подводит экономическую науку к прояснению сути и законов экономической гармонии – равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйственных систем. Осмысление понятия и феномена экономического блага как ценностного императива свободного добродетельно устойчивого общественного развития закладывает надёжные теоретические подмостки для становления институтов гражданского общества. Такой анализ не подвержен интеллектуальной инфляции и обнаруживает всё большую актуальность в контексте поиска адекватных ответов на новейшие глобальные общественные вызовы (Артёмова, 2014б. С. 18–22).

¹⁵ Преодолеть сложившиеся стереотипы и возбудить интерес молодого поколения к творческому восприятию классического достояния экономической науки представляется почти невыполнимой задачей. Между тем, такая миссия не терпит отлагательства, ибо в руках просвещенной молодежи ценностная методология обретает силу инновационного инструментария, способного трансформировать тенденцию стремительного распада традиционного порядка хозяйственной жизни в состояние его творческого преобразования.

¹⁶ Сергеев А. "Экономика Аристотеля". 4 с. URL: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/students/publ_stud01.php (дата обращения 20.06.2022)

Таким образом, в свете методологии релятивистской экономической науки (логики Срединного пути), в недрах античного сообщества в целом была осознана его миссия как субъекта глобального процесса развёртывания институциональной архитектуры хозяйствования. Это позволило сформировать предпосылки для разрешения бремени назревшего исторического общественного выбора и реализации цивилизационного проекта Средневековья. Но для успешного осуществления такого проекта элиты средневекового общества в свою очередь должны были оказаться способными воспринять и переосмыслить ценностное наследие античности.

Литература

1. Аникин А. В. (1985). Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. Москва: *Политиздат*. 367 с.
2. Аристотель. (1983). Никомахова этика. *Аристотель. Соч.: в 4 т.* Т. 4. Москва: *Мысль*. 830 с. С. 53–293.
3. Артёмова Т. (2017). Европейские ценности: традиционные концепты в эпоху глобальных рыночных трансформаций. *Экономическая теория*. № 4. С. 5–31.
4. Артёмова Т. И. (2018). Европейские ценности: интеллектуальное пространство цивилизационного диалога. *Экономическая теория*. № 3. С. 5–28.
5. Артёмова Т. И. (2013). Логика Срединного пути как основополагание релятивистской экономической науки. В кн.: *Политэкономия: социальные приоритеты: материалы Первого международного политэкономического конгресса: в 2 т.* Т. 2: *Национальные экономики в глобальном мире: политическая экономия и экономическая политика*. Москва: *ЛЕНАНД*. 552 с.
6. Артёмова Т. И. (2006). Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. Киев: *Основа*. 448 с.
7. Артёмова Т. И. (2014а). Чистая моральная наука: про самооправдание "фундаментального" научного знания в условиях глобальной модернизации. *Экономическая теория*. № 2. С. 5–20.
8. Артёмова Т. И. (2014б). Чистая моральная наука: про самооправдание "фундаментального" научного знания в условиях глобальной модернизации. *Экономическая теория*. № 3. С. 5–23.
9. Багатурян Г. А., Выгодский В. С. (1976) Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). Москва: *Мысль*. 329 с.
10. Гайденок П. П. (2009). К проблеме становления новоевропейской науки. *Вопросы философии*. № 5. С. 80–92.
11. Гриценко А. А. (1997). Структура рыночной трансформации инверсионного типа. *Экономика Украины*. № 1. С. 4–10.
12. Иноземцев В. Л. (1998). За пределами экономического общества. Москва: *Academia; Наука*. 640 с.
13. Гриценко А. А. (ред.) (2008). Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований. Харьков: *Форт*. 927 с.
14. Трифонова Д. К., Широкоград Л. Д. (ред.) (1983). История политической экономии социализма. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 606 с.
15. Йейтс Ф. А. (2000). Джордано Бруно и герметическая традиция: пер. с англ. Г. Дашевского. Москва: Новое литературное обозрение. 528 с.
16. Кастельс М. (1999). Становление общества сетевых структур. В кн.: *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. Москва: *Academia*. С. 492–505.
17. Маркс К. (1968). Экономические рукописи 1857–1859 годов. В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.* Т. 46, часть 1. 317 с.
18. Маркс К. (1960). Капитал: в 4 т. Т. 1. В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.* Т. 23. 907 с.
19. Маркс К. (1962). Капитал: в 4 т. Т. 3. В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.* Т. 25, часть II. 551 с.
20. Маркс К. (1964). Людвигу Кугельману – в Ганновер. Лондон, 11 июля 1868 г. В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.* Т. 33. 804 с.
21. Маркс К. (1963). Письмо Энгельсу в Манчестер, 27 июня 1867 г. В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-изд.* Т. 31. 690 с.
22. Маркузе Г. (2002). Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с англ. А. А. Юдина. Москва: ООО "Издательство АСТ". 526 с.
23. Неклесса А. И. (2015). Сердце тьмы. *Свободная мысль*. № 3. С. 119–138.

24. Неклесса А. И. (1998). Эпилог истории. *Восток*. № 5. С. 5–30.
25. Пайн II Дж. Б., Гилмер Дж. Х. (2020). Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие. Москва: *Альпина Паблишер*. 384 с.
26. Полянйи К. (2004). Аристотель открывает экономику. В кн.: *Истоки. Экономика в контексте истории и культуры: альманах*. Москва: *ГУ-ВШЭ*. С. 5–51.
27. Стиглиц Дж. Е. (2005). Ревущие девяностые. Семена развала: пер. с англ. Г. Г. Пирогова. Москва: Современная экономика и право. 424 с.
28. Тарасевич В. Н. (2014). Экономико-универсальное знание и политическая экономия в широком смысле. В кн.: *Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее* / под ред. В. М. Гейца, В. Н. Тарасевича. Киев: ЦУЛ. 1056 с.
29. Тоффлер Э. (2002). Шок будущего. Москва: ООО "Издательство АСТ". 557 с.
30. Чернышёв В. Р. (1924). Жизнь и творчество Давида Рикардо. В кн.: *Рикардо Д. Принципы политической экономии*. Ленинград: Рабочее Издательство "Прибой". 198 с.
31. Энгельс Ф. (1961). Анти-Дюринг. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.* Т. 20. 827 с.
32. Global Trends 2025: A Transformed World. November 2008. US Government Printing Office. 99 p. URL: <https://www.astrid-online.it/static/upload/protected/Glob/Global-Trends-2025.pdf> (accessed 20.07.2022)
33. Global Trends 2030: Alternative Worlds. a publication of the National Intelligence Council. December 2012. 138 p. URL: https://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf (accessed 20.07.2022)
34. Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's. 2020 Project. Based on consultations with nongovernmental experts around the world. December 2004. 119 p. URL: https://www.dni.gov/files/documents/Global%20Trends_Mapping%20the%20Global%20Future%202020%20Project.pdf (accessed 20.07.2022)
35. World Bank Group. 2017. World Development Report 2017: Governance and the Law. Washington, DC: World Bank. 282 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/25880> (accessed 20.07.2022)

Поступление в редакцию 9 сентября 2022 г.

Рецензирование 16 сентября 2022 г.

Подписано в печать 30 сентября 2022 г.

References

1. Anikin A. V. (1985). The youth of science. Life and ideas of thinkers-economists before Marx. Moscow: Politizdat [in Russian].
2. Aristotle. (1983). Nicomachean ethics. Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl [in Russian].
3. Artomova, T. (2017). European values: traditional concepts in the era of global market transformations. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4: 5-31 [in Russian].
4. Artomova, T. I. (2018). European Values: Intellectual Space of Civilizational Dialogue. *Ekon. teor. – Economic theory*, 3: 5-28 [in Russian].
5. Artomova, T. I. (2013). The logic of the Middle Way as the foundation of relativistic economics. In: Political Economy: Social Priorities: Proceedings of the First International Political Economy Congress: in 2 volumes. Vol. 2: National Economies in the Global World: Political Economy and Economic Policy. Moscow: LENAND [in Russian].
6. Artomova, T. I. (2006). Cost and price: the logical-historical process of shaping. Kyiv: Osнова [in Russian].
7. Artomova, T. I. (2014a). Pure moral science: about the self-justification of "fundamental" scientific knowledge in the context of global modernization. *Ekon. teor. – Economic theory*, 2: 5-20 [in Russian].
8. Artomova, T. I. (2014b). Pure moral science: about the self-justification of "fundamental" scientific knowledge in the context of global modernization. *Ekon. teor. – Economic theory*, 2: 5-23 [in Russian].
9. Bagaturia, G. A., Vygodsky, V. S. (1976) Economic legacy of Karl Marx (history, content, methodology). Moscow: Mysl [in Russian].
10. Gaidenko, P. P. (2009). To the problem of the formation of modern European science. *Vo-prosy Filosofii – Questions of Philosophy*, 5: 80-92 [in Russian].
11. Grytsenko, A. A. (1997). Structure of market transformation of inversion type. *Ekon. Ukr. – Economy of Ukraine*, 1: 4-10 [in Russian].
12. Inozemtsev, V. L. (1998). Outside the economic society. Moscow: Academia; Nauka [in Russian].
13. Grytsenko, A. A. (ed.) (2008). Institutional architectonics and dynamics of economic transformations. Kharkiv: Fort [in Russian].
14. Trifonova, D. K., Shirokorad, L. D. (eds.) (1983). History of the political economy of socialism. Leningrad: Leningrad University Press [in Russian].

15. Yates, F. A. (2000). Giordano Bruno and the Hermetic Tradition: transl. from English. G. Dashevsky. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
16. Castells, M. (1999). Formation of a society of network structures. In: New post-industrial wave in the West: an anthology / ed. V. L. Inozemtseva. Moscow: Academia [in Russian].
17. Marx K. (1968). Economic Manuscripts 1857–1859. In: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. T. 46, part 1 [in Russian].
18. Marx K. (1960). Capital: in 4 volumes. T. 1. In: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. T. 23 [in Russian].
19. Marx K. (1962). Capital: in 4 vols. T. 3. In the book: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. T. 25, part II [in Russian].
20. Marx, K. (1964). Ludwig Kugelmann – In Hannover. London, July 11, 1868. In: K. Marx, F. Engels. *Works*, 2nd ed. T. 33.
21. Marx, K. (1963). Letter to Engels in Manchester, June 27, 1867. In the book: Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. T. 31 [in Russian].
22. Marcuse, G. (2002). Eros and civilization. One dimensional person. A study of the ideology of a developed industrial society: per. from English. A. A. Yudina. Moscow: AST Publishing House LLC [in Russian].
23. Neklessa, A. I. (2015). Heart of Darkness. *Svobodnaja mysl – Free thought*, 3: 119-138 [in Russian].
24. Neklessa, A. I. (1998). Epilogue of the story. *Vostok – East*, 5: 5-30 [in Russian].
25. Pine, II B. J., Gilmore, J. H. (2020). Economy of impressions. How to turn a purchase into an exciting action. Moscow: Alpina Publisher [in Russian].
26. Polanyi, K. (2004). Aristotle discovers economics. In book: *Origins. Economy in the context of history and culture: an almanac*, 5-51. Moscow: GU-VShJe [in Russian].
27. Stiglitz, J. E. (2005). Roaring nineties. Seeds of collapse. Moscow: Modern Economics and Law [in Russian].
28. Tarasevich, V. N. (2014). Economic-universe knowledge and political economy in a broad sense. In: *Political economy: past, present, future*. Kyiv: TsUL [in Russian].
29. Toffler, E. (2002). Shock of the future. Moscow: OOO "Izdatelstvo AST" [in Russian].
30. Chernyshev, V. R. (1924). The life and work of David Ricardo. In: Ricardo D. Principles of political economy. Leningrad: Rabochee Izdatelstvo "Priboj" [in Russian].
31. Engels F. (1961). Anti-Dühring. Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. T. 20 [in Russian].
32. Global Trends 2025: A Transformed World. November 2008. US Government Printing Office. 99 p. Retrieved 20.07.2022 from <https://www.astrid-online.it/static/upload/protected/Glob/Global-Trends-2025.pdf>
33. Global Trends 2030: Alternative Worlds. a publication of the National Intelligence Council. December 2012. 138 p. Retrieved 20.07.2022 from https://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf
34. Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's. 2020 Project. Based on consultations with nongovernmental experts around the world. December 2004. 119 p. Retrieved 20.07.2022 from https://www.dni.gov/files/documents/Global%20Trends_Mapping%20the%20Global%20Future%202020%20Project.pdf
35. World Bank Group. 2017. World Development Report 2017: Governance and the Law. Washington, DC: World Bank. 282 p. Retrieved 20.07.2022 from <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/25880>

Received September 9, 2022

Review September 16, 2022

Signed for print September 30, 2022